

ЧУДЕСА, КОТОРЫЕ НЕ УМИРАЮТ

НЕТ, неправда, что чудес на свете ровно семь. Такое представление явно устарело. Чудес гораздо больше. За последние две сотни лет человечество не раз открывало для себя великолепные памятники старины, снимая шляпу перед умом, смекалкой, мастерством своих далеких предков.

...Этот город поначалу принимают за фата-моргану, очередной трюк пустыни. Но проходят минуты — и путники поражаются аторично. Эти храмы, колоннады, театры — не плод фантазии. Они всамделишные. Людей обступают камни Пальмиры — красивейшего города Древнего Востока.

Вот так же, как перед Пальмирой, немеют, пораженные, путешественники у фантастических плит Баальбека, у пещер Каппадокии, застывают у мавзолеев Шах-Зинда в Самарканде, у пагод в Бирме, у фресок Сигирии на острове Цейлон.

Об этих и других феноменах человеческого творчества рассказывает Игорь Можейко в книге «Другие 27 чудес». Рассказывает увлекательно, с большим тактом и вкусом. Успех автора в том, что он отошел от сухого научного комментария и в то же время смог счастливо избежать столь часто встречающегося в подобных книгах поверхностного, лихого описательства.

Особенно яркие, выпуклые рассказы, в которых речь идет о памятниках, лично увиденных автором. Вот почему среди самых удачных страниц книги — страницы о памятниках бирманской культуры.

Многие сказки в Бирме начинаются со слов: «Это случилось в Пагане». Что же такое Паган? Это одно из самых почитаемых бирманцами мест. Город. Древняя столица, на улицах и площадях которой давным-давно замерла жизнь. Долгое время слава Пагана жила лишь в преданиях старины. Лишь немногим удавалось воочию увидеть этот чудо-город,

надежно запрятанный за горами, за лесами обширной страны.

Сегодня Паган намного доступней. Посетил его и автор рецензируемой книги. Свое восхищение он умело воплотил в рассказ. Мы явственно ощущаем атмосферу этого города, где пять тысяч храмов свидетельствуют скорее не о мощи и великолепии канувших в Лету царей и их царств, но о большом мастерстве и художественном вкусе тысяч безымянных художников и строителей. Но дадим слово автору. Вот как описывает он свое первое утро в Пагане: «Солнце еще не встало, и воздух за окном был густого голубого цвета. К окнам маленькой гостиницы, стоящей посреди города, сбегались храмы Пагана. Они стояли куда ни посмотришь, голубые и фиолетовые, с отблесками наступающего дня на вершинах... Здесь, без сомнения, потрудились добрые волшебники».

С большой достоверностью рисует И. Можейко историю последнего короля Бирмы, пытавшегося сдержать, хотя и с помощью наивных средств, натиск английских колониальных войск. Король

был свергнут. Его столица разграблена, а знаменитейший мандалайский дворец, причудливый, невероятных размеров, опустел. Через несколько десятилетий на смену англичанам пришли японские колонизаторы. Они внесли свою лепту. Японцы разбомбили остатки города. Дворец окончательно погиб в огне.

Исторические экскурсы, проделанные И. Можейко, отнюдь не утяжеляют рассказа. Они делают прочитанное более осязаемым.

Сменяются цивилизации, города, храмы. Читатель становится свидетелем величия и трагедии замечательного ученого Улугбека, ставшего жертвой заговора мулл и царедворцев, присутствует при строительстве великолепного пантеона на горе Нимруд и целого города Фатехпура-Сикри, возникшего по воле Акбара, одного из потомков Великого Могола.

Но частая смена событий и мест, где они разыгрываются, не утомляет. У автора этой увлекательной книги есть чувство меры. Он ставит точку именно тогда, когда это необходимо. Поэтому, прочитав о «других 27 чудесах», вы получите не 27 разорванных поверхностных ощущений, от которых может вполне пойти голова кругом, а одно ясное, целостное представление о разнообразии и богатстве азиатских культур, о ценности их для истории человечества.

Г. АШКИНАДЗЕ

В САДУ ПОЭЗИИ

20—30-е годы нынешнего столетия — один из наиболее ярких и значительных периодов в литературной жизни Китая. Новая китайская поэзия, когда поэтов было по-настоящему «много хороших и разных», зародилась в волнах демократического, антиимпериалистического «движения 4 мая» 1919 года, возникшего под непосредственным влиянием Великого Октября. Традиционность и новые веяния, воздействие прогрессивной зарубежной литературы, представленной самыми различными творческими направлениями, — все это воплотилось во множестве честных, взволнован-

ных и очень самобытных стихотворений. Их содержанием стали идеи демократии, гуманизма, сочувствие к униженному человеку, призывы к раскрепощению женщины от конфуцианского домостроя.

Общей для китайской поэзии тех лет стала мечта о грядущей гибели старого, несправедливого мира империалистического и феодального угнетения — мира, «в котором люди от голода мрут под забором», как скажет о нем поэт Лю Бань-нун, человек высоких душевных качеств. Символами перестройки старого общества постепенно становились поэтические образы нового мировосприятия — Труд, Мотыга, Молот.

В стране свершилась литературная революция, ознаменовавшая собой не только коренное изме-

Игорь Можейко. Другие 27 чудес. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969, 256 стр.

«Дождливая аллея. Китайская лирика 20—30-х годов». М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969, 200 стр.